

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Деменёв Д.Н., Подобреева Е.К., Хисматуллина Д.Д., Копылов К.С. Экзистенциальные и социальные проблемы современной архитектуры: пути преодоления одиночества и социальной изоляции // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.76517 EDN: K LWOTO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76517

Экзистенциальные и социальные проблемы современной архитектуры: пути преодоления одиночества и социальной изоляции

Деменёв Денис Николаевич

ORCID: 0000-0002-3033-8585

кандидат философских наук

доцент, кафедра архитектуры и изобразительного искусства; ФГБОУ ВО "Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова"

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ denis-demenev@mail.ru**Подобреева Екатерина Константиновна**

ORCID: 0000-0002-7673-7266

кандидат архитектуры

доцент, кафедра архитектуры и изобразительного искусства; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

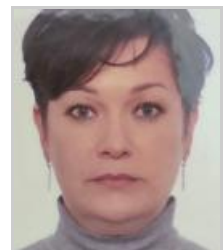
455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ mgnket@mail.ru**Хисматуллина Дина Дамировна**

ORCID: 0000-0002-4454-7126

доцент, кафедра архитектуры и изобразительного искусства; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ xdd.dina@yandex.ru**Копылов Кирилл Сергеевич**

ORCID: 0009-0008-3975-7867

студент, кафедра архитектуры и изобразительного искусства; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ urqs@mail.ru

[Статья из рубрики "Муки коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.11.76517

EDN:

KLWOTO

Дата направления статьи в редакцию:

29-10-2025

Аннотация: На сегодняшний день проблема одиночества и социальной изоляции в условиях городской застройки становится особенно острой в контексте изменения образа жизни, цифровизации и утраты традиционных форм соседского общения. Урбанизация, цифровизация, однотипная застройка и дефицит качественных общественных пространств значительно снижают возможности для установления и поддержания социальных связей. В связи с этим, предметом исследования становится влияние архитектуры на уровень одиночества и социальной изоляции. Целью данной статьи является анализ взаимосвязи архитектурной среды и социальной изоляции с последующей разработкой рекомендаций по проектированию инклюзивных городских пространств. Рассматривая архитектуру как фактор социальных взаимодействий, особое внимание в работе уделено балансу между частными и общественными пространствами, а также принципам инклюзивного проектирования. Методология исследования базируется на последовательном применении элементов исторического подхода, историко-искусствоведческого анализа, герменевтического метода, методов сравнительного анализа и теоретического синтеза, кейс-метода (анализа конкретных архитектурных решений и градостроительных практик), а также визуального анализа некоторых общественных пространств и проектных решений, влияющих на социальную вовлеченность. Элементом новизны исследования является авторский подход, посредством которого: 1) архитектура рассматривается как социально-экзистенциальный инструмент, влияющий на качество человеческих взаимодействий в городской среде; 2) даются определения «одиночества» и «социальной изоляции»; 3) обобщается и расширяется представление о междисциплинарной природе архитектуры, соединяя философские, социологические, искусствоведческие и проектные подходы к городской среде. Теоретическая база статьи может быть использована для дальнейших исследований в области социальной урбанистики. Практическая значимость исследования заключается в предложенных авторских рекомендациях, которые могут быть применены при разработке проектов городской среды, жилых комплексов и общественных пространств, а также в образовательной деятельности для подготовки специалистов в области архитектуры и градостроительства. Фиксируется, что пространственные решения, принимаемые сегодня, определяют не только визуальный облик среды, но и качество жизни, степень участия, солидарность и ощущение принадлежности человека к обществу. Поскольку архитектура оказывает значительное влияние на формирование общественно-социальной ткани города, следовательно в будущем должна учитывать потребности всех групп населения, обеспечивать доступность, безопасность и вариативность использования среды.

Ключевые слова:

архитектура, урбанизация, одиночество, социальная изоляция, техносоциальная

реальность, инклюзивное пространство, вовлеченность, взаимодействие, коммуникация, цифровизация

Введение

Отправной точкой наших размышлений послужила живопись американского художника XX века Эдварда Хоппера (его зрелого периода творчества) – «поэта пустых пространств», излюбленной тематикой которого стал пустынный или лишенный жизни город, в котором «Одиноко застывшие неизвестные фигуры людей и четкие геометрические формы создают ощущение отчужденности, драматизма и одиночества» [\[1\]](#). Художник-урбанист, Эдвард Хоппер уже тогда явился проблематизатором социального взаимодействия в городской среде, которое сегодня, в результате тотальной технологизации и цифровизации, – становится все более неоднозначным. В этом контексте нельзя не согласиться с высказыванием В.В. Бычкова: «Одно из самых сильных чувств, доставшихся нам в наследие от древности, – это предчувствие, дар провидения, и истинный художник обладает этим чувством» [\[2, с. 418\]](#). Следует отдельно отметить, что авторы данного исследования не особо ярые поклонники кисти Эдварда Хоппера, но могут сказать однозначно: в своем искусстве он почувствовал и самым непосредственным образом передал то, что мы обозначили в заглавии статьи – одну из самых актуальнейших градостроительных и социальных проблем XX–XXI века. Его живопись стала своеобразным *практико-философским осмысливанием* одиночества и социальной изоляции в условиях современной урбанизации и позволила на невербальном уровне почувствовать и понять смысл данных феноменов...

Современные города становятся все более плотными, технологичными и урбанизированными, что, с одной стороны, способствует развитию комфортной среды и инфраструктуры, а с другой – усиливает тенденцию к социальной изоляции. Архитектура, являясь основным инструментом формирования городской среды, оказывает прямое влияние на характер и интенсивность социальных взаимодействий. Проблема одиночества и социальной изоляции в условиях городской застройки становится особенно острой в контексте изменения образа жизни, цифровизации и утраты традиционных форм соседского общения. Следовательно, исследование архитектурных решений как факторов, влияющих на степень социальной изоляции, представляется актуальным и социально значимым. На сегодняшний день можно отметить обилие различных направлений в исследовании данной темы, в которых зачастую прослеживаются две ярко выраженные тенденции: 1) линия, характеризующая дисциплинарные исследования, совершенствующие, уточняющие и расширяющие как теорию в целом, так и ее отдельные положения, а также понятийный аппарат [\[3-5\]](#); 2) тенденция, характеризующаяся поисками междисциплинарного характера [\[6-8\]](#).

Целью данной работы является анализ взаимосвязи архитектурной среды и социальной изоляции с последующей разработкой рекомендаций по проектированию инклюзивных городских пространств. Предметом исследования является влияние архитектурных и планировочных решений на уровень одиночества и социальной изоляции.

Методология исследования базируется на последовательном применении элементов исторического подхода, историко-искусствоведческого анализа, герменевтического метода, методов сравнительного анализа и теоретического синтеза, кейс-метода (анализа конкретных архитектурных решений и градостроительных практик). Исходным методологическим допущением, является положение о том, что архитектура в эпоху

технологического прогресса и цифровизации может как способствовать социальной интеграции, так и усиливать чувство изоляции и одиночества. Пам'ятаючи о том, что город – это, прежде всего, «системно пространственный процесс (урбаногенез), а потом уже объект» [\[9, с. 39\]](#), позволим себе повторить уже известное восклицание XVII века: «Magnacivitas, magnasolitudo!» (Большой город, большое одиночество!) [\[10, с. 409\]](#), становящееся еще более актуальным в нашу эпоху беспрецедентного слияния технологий и социальной жизни. Следовательно, попытаемся проанализировать основные проблемы архитектурной среды и наметить пути к их преодолению.

Архитектура как фактор социальных взаимодействий

Прежде чем начинать разговор об архитектуре как одном из основных факторов социального взаимодействия или изоляции, методологически уместным будет провести краткий исторический экскурс с целью увидеть, какими разными были архитектурные решения в тот или иной период. Историческое развитие архитектуры свидетельствует о ее неразрывной связи с социальными и экзистенциальными функциями, которые она выполняла и выполняет поныне на каждом этапе развития общества. Еще в античные времена архитектура активно формировала общественные взаимодействия: агоры в Древней Греции и форумы в Древнем Риме были не просто торговыми или административными центрами, но и ключевыми точками социальной жизни. На бытовом уровне эти пространства способствовали спонтанному общению, обсуждению общественных дел и культурному обмену, играя роль «социальных концентраторов». А на уровне мировоззренческом и идеологическом, к примеру, реконструкция Акрополя в V в. до н.э. была «поддержана всеми афинянами, став выражением идеи общеэллинского единства, единства человека (свободного гражданина полиса) и государства» [\[11, с. 101\]](#).

Средневековые города с их узкими улицами и площадями способствовали плотному взаимодействию между жителями, однако в то же время могли создавать условия для изоляции определенных социальных групп, таких как нищие, ремесленники или иноверцы. Появление городских стен и строгое зонирование усиливали социальную и пространственную сегрегацию, подчеркивая связь между архитектурным контролем и социальной стратификацией [\[12, с. 17\]](#). Однако остроту данной сегрегации сглаживала эстетическая составляющая Средневековой городской среды – искусство, которое существовало не только в церкви и которое, по меткому замечанию В.Г. Власова «еще не выделилось из других форм городских зрелищ» [\[13, с. 211\]](#). Так, историк и теоретик культуры Й. Хейзинга в своем труде «Осень Средневековья» пишет: «В те времена [...] Чувство стиля не вполне отвечало тем требованиям, которые выдвигает современное почитание Средневековья. Никакой реалистический эффект не казался чересчур грубым: делали подвижные статуи... Для представления картины Сотворения мира на подмостки доставляли живых зверей, в том числе рыб. Высокое искусство и дорогостоящий хлам преспокойно сочетались друг с другом, вызывая одинаковое изумление зрителей [\[14, с. 285-286\]](#). С помощью изощренных технических устройств с башен соборов спускались и исчезали ангелы, в водах Сены резвились обнаженные девы, изображая морских сирен. На площадях перед соборами разыгрывалось множество различных мистерий, происходили диспуты и лекции, которые в целом сглаживали «острые углы» социальной и пространственной сегрегации строгого городского зонирования.

С началом индустриализации в XIX веке архитектура утрачивает ориентир на социальную интеграцию. Как справедливо указывает А.Ф. Зотов: «общество, в котором развилось

индустриальное производство, расценивает *определение производства* как определение самого *общества*. Оно *понимает себя* как *индустриальное общество*. Произошло *самоотчуждение*, и вместе с ним все более углубляющийся *отрыв* от изначальной целостности, включавшей человека как органичный компонент» [15, с. 425]. Массовое строительство рабочих кварталов вело к формированию пространств, в которых отсутствовали элементы для общения и отдыха. Жилищные комплексы проектировались преимущественно с экономической, а не социальной точки зрения. Узкие улицы, плотная застройка и отсутствие общественных пространств стали причинами роста изоляции и отчужденности среди жителей промышленных городов [16].

В XX веке модернистская архитектура, вдохновленная идеями функционализма, стремилась к универсальности и стандартизации. Такие проекты, как жилой комплекс Pruitt-Igoe в Сент-Луисе (США), построенный в середине XX века (рис. 1), иллюстрируют, как архитектурные утопии оборачивались социальной катастрофой. Формально направленные на улучшение условий жизни, они на деле создавали отчужденную, замкнутую среду, лишенную живых общественных связей. Позднее этот комплекс был признан неудачным и снесен, став символом краха архитектурного модернизма в социальном аспекте [17, с. 11-12].

Рисунок 1 – Pruitt-Igoe в США

Справедливости ради, следует отметить, что далеко не вся модернистская архитектура несла в себе потенциал социальных катастроф. Взять, к примеру, идеи и проекты Ле Корбюзье (как частного, так и общественного назначения) или же воплощенный (хотя и не в полной мере, ввиду финансирования по остаточному принципу) проект 1-го квартала «Социалистического городка» в г. Магнитогорске немецкого архитектора Э. Майя (рис. 1). Эрнст Май применил так называемую «строчную» застройку: все окна выходили на скверы с фонтанами и зеленые зоны, а не на дороги и торцевые фасады соседних домов. В конце 1980-х годов появился план сноса и переноса всей левобережной жилой застройки как не отвечающей современным на тот момент экологическим стандартам (ввиду непосредственной близости ММК). Однако грянувший развал СССР поставил на этих планах «крест», и в условиях капиталистической общественно-экономической формации, левобережная жилая застройка «обрела вторую жизнь».

Рисунок 2 – 1-й квартал «Соцгородка» в г. Магнитогорске

Во второй половине XX века усиливается интерес к гуманистической архитектуре, ориентированной на потребности человека. Проекты с акцентом на межпоколенческое взаимодействие, создание зеленых зон, доступных пространств для досуга и общения становятся примерами новой парадигмы проектирования [18]. В частности, жилой комплекс Хундертвассерхаус в Вене и концепция «нового урбанизма» демонстрируют попытку вернуть архитектуре ее социальное измерение, ориентированное на устойчивость, инклюзивность и эмоциональный комфорт (рис. 3).

Рисунок 3 – Хундертвассерхаус в Вене

Таким образом, эволюция архитектурных решений показывает, что архитектура может как способствовать социальной интеграции, так и усиливать изоляцию. В разные периоды доминировали разные подходы: от открытых общественных пространств античности до изолированных жилых комплексов индустриального времени. Следовательно, историческая практика свидетельствует о том, что архитектура представляет собой не только совокупность функциональных и эстетических решений, но и важнейший инструмент формирования социальной среды, а следовательно, тех или иных человеческих взаимодействий в них. *Пространственные структуры, созданные архитекторами, образуют особые поля, которые напрямую влияют на повседневную жизнь людей, их поведение, маршруты передвижения и возможности для общения. От*

того, как организовано пространство – открыто оно или замкнуто, доступно или изолировано, – зависит характер социальных взаимодействий в городах. Качественные общественные пространства, такие как парки, площади, дворы и набережные, способствуют укреплению социальной сплоченности, предоставляя платформу для спонтанных встреч, культурных мероприятий и неформального общения. Их наличие особенно важно в условиях плотной городской застройки, где людям требуется место для отдыха, совместной активности и формирования чувства общности.

Современная архитектура возвращается к необходимости проектирования среды, ориентированной на человека, и признает значимость социальной функции пространства как одного из ключевых условий устойчивого развития города [\[19\]](#). Архитектурные решения, в которых учтены социальные аспекты, способны не только улучшить внешний облик города, но и повысить уровень социальной вовлеченности. Примером может служить преобразование заброшенных территорий в инклюзивные общественные пространства – как, например, проект High Line в Нью-Йорке (рис. 4), ставший популярным местом для прогулок и общения. Такие решения показывают, что архитектура может выступать катализатором социального взаимодействия и даже способом социальной реабилитации [\[20, с. 26–27\]](#).

Рисунок 4 – High Line

В противоположность этому, монотонные, однотипные жилые кварталы с недостатком общественных зон, как правило, усиливают отчуждение между жителями. Исследования показывают, что избыточная изоляция жилых комплексов, отсутствие точек притяжения и удобной инфраструктуры «снижает уровень доверия между соседями и ослабляет неформальные связи» [\[21, с. 5\]](#). Архитектура в таких случаях становится барьером, а не инструментом сближения. Формирование общественных пространств с учетом принципов инклюзивности позволяет обеспечить доступность городской среды для людей разных возрастов, статуса и физического состояния. При этом важно учитывать не только физическую, но и психологическую доступность: насколько человек чувствует себя желанным и включенным в происходящее [\[22, с. 61\]](#).

Таким образом, архитектура является важным посредником между индивидуумом и

обществом, а ее роль в формировании социальной структуры города требует переосмысления в сторону гуманистических и инклюзивных подходов. Успешные примеры показывают, что продуманная организация пространств может снижать уровень социальной изоляции и укреплять чувство принадлежности и взаимопонимания. Однако, урбанизация в XXI веке приобрела беспрецедентные масштабы. Рост городского населения, уплотнение застройки и формирование закрытых жилых комплексов зачастую способствуют разобщению людей и ослаблению социальных связей. В густонаселенных районах с ограниченным количеством качественных общественных пространств люди нередко испытывают одиночество, несмотря на постоянное нахождение среди других. В таких условиях даже возможность общения становится затрудненной. Особенно это касается мегаполисов, где доминируют анонимные формы сосуществования и преобладают однотипные жилые структуры без мест для спонтанного взаимодействия.

Одиночество и социальная изоляция как спутники современных городов

Проанализировав архитектуру как особое поле, в котором разворачиваются социальные взаимодействия, а также ее эволюцию в контексте дихотомии «социальная интеграция–изоляция», далее следует сфокусировать свое внимание непосредственно на таких понятиях как «одиночество» и «социальная изоляция», которые все чаще обращают на себя внимание в условиях современного урбанизма. Как мы уже писали вначале, на невербальном уровне с определенной долей сопереживания данные феномены помогают понять и почувствовать некоторые произведения искусства, ибо искусство позволяет прямо и непосредственно выражать сложные (душевно-духовные) аспекты бытия.

Осмысление явления одиночества прямо или косвенно отражено в фундаментальных исследованиях таких авторитетных философов XIX-XX веков, как Н.А. Бердяев, Э. Фромм, М. Бубер, С. Франк, А. Камю, Ж.П. Сартр и др. Помимо философии, данный эпифеномен цивилизации активно исследуется психологами, социологами, культурологами и др. На протяжении всей истории человеческой мысли, суть данного понятия эксплицируется неоднозначно, и в настоящее время среди мыслителей не достигнуто единства в его понимании. Тем не менее, можно предельно условно классифицировать все существующие воззрения на несколько основных групп, в зависимости от того, под каким предметным или междисциплинарным углом рассматривается одиночество: философские, социологические, психологические, гуманитарные, феноменологические, интеракционистические.

Исследуя феноменологию одиночества, В.А. Сакутин считает, что человеческая ностальгия по целостности «являет себя бесконечными ликами одиночества», главной проблемой которой является «„экзистенциальная неукорененность“ человека» [23]. Представители социологического подхода пишут, что одиночество человека влияет на его жизнедеятельность в целом: «...крепнет его неуверенность в будущем, растет психологическое напряжение, что находит свое выражение во всех сферах человеческого сознания: в морали, праве, культуре и искусстве» [24]. Подразумевая под одиночеством, в основном, негативные коннотации (изоляция), данный феномен, тем не менее, также трактуется и в позитивном ключе (уединенность) – как «важный этап в понимании возможностей своего Я, процесс свободного самоопределения и самоутверждения в социуме» [25, с. 236]. Представители психоанализа также не обошли стороной данное явление. Так, З. Фрейд анализировал одиночество в контексте двух основных аспектов: во-первых, – что оно является неотъемлемой частью человеческого существования («мы входим в мир одиночками и

одинокими покидаем его») и, во-вторых, способность быть в одиночестве – связана с ранним опытом надежной поддержки со стороны матери. Исследуя одиночество в контексте проблемы смерти, Фрейд пришел к выводу, что люди боятся не столько самой смерти, сколько одиночества, ощущение которого возникает вследствие отсутствия общения, как способа подтверждения человеческого существования. Сопоставляя его анализ «меланхолии» и наиболее общие характеристики одиночества, можно констатировать, что поводы для возникновения обоих близких психических состояний дают жизненные обстоятельства, которые приносят с собой тяжелые отклонения от нормального образа жизни. И в том, и в другом случае, происходит отрыв от реальности, но благополучным исходом которого «является ситуация, когда принцип реальности одерживает победу» [\[26, с. 253\]](#).

Проанализировав ряд источников и выявив некоторые характерные особенности схожих по сути экзистенциальных проблем, можно обозначить некоторые комплементарно-корреляционные пары (как дополняющие друг друга в негативном смысле), так или иначе раскрывающие определенные философские аспекты одиночества. Первой комплементарной парой можно обозначить «одиночество↔индивидуализм». Характерной чертой последнего, получившего полное выражение в период Ренессанса и положившего начало западной цивилизации «является уважение к личности как таковой, то есть признание абсолютного суверенитета, взглядов и наклонностей человека в сфере его жизнедеятельности, какой бы специфической она ни была, и убеждение в том, что каждый человек должен развивать присущие ему дарования» [\[27, с. 121\]](#). Угнетение и/или нарушение второй, комплементарной к одиночеству части – индивидуальности, «самости», «Я» – и ведет к отчетливому проявлению одиночества. Понятно, что если по каким-то причинам человек не имеет возможности хоть в какой-то степени выразить свои мысли, убеждения и личный суверенитет в целом, то он особо уязвим перед «лицом одиночества».

Второй корреляционной парой можно назвать «одиночество↔отчуждение», которая в полной мере выражает отчужденность от реального мира, как форму человеческого существования в современном мире. А.А. Ивин рассматривает отчуждение как интегральную характеристику представителей открытого (индивидуалистического) общества, говорящую «об их оторванности друг от друга и от общества в целом, о глубоких, болезненно переживаемых ими расхождениях в мыслях, чувствах и поступках» [\[28, с. 244\]](#). «Отчуждение» исследователь противопоставляет «обнаженности» индивидов закрытого (коллективистического) общества, выражающей единство идеалов его субъектов. Отчуждение, в свою очередь, прокладывает пути к таким аспектам как: «бессилие», «утрата смысла», «изолированность» и «самоустраненность», вызванными к жизни неодинаковостью индивидов капиталистического общества, отсутствием у них глобальной объединяющей и воодушевляющей всех цели, их неравенством, которые в совокупности «ведут, в конечном счете, многих из этих индивидов к чувству неудовлетворенности существующим порядком вещей и к ослаблению социальной коммуникации» [там же, с. 249] и далее – к одиночеству через социальную изоляцию. В противоположность первой корреляционной паре, здесь наоборот, не угнетение, а *стимулирование* второй, комплементарной к одиночеству части – отчуждения – чаще всего приводит к одиночеству.

Третьей и ключевой в явлении одиночества, на наш взгляд, является связка «одиночество↔свобода», которая, в свою очередь, прямо коррелирует и с первыми двумя. Свобода, как одна из сквозных, непреходящих философских проблем, наиболее

гулко отзывалась и продолжает звучать в душе и мыслях каждого человека: «Все народы, все люди, представители всех политических режимов единодушно требуют свободы. Однако в понимании того, что есть свобода и что делает возможной ее реализацию, все сразу же расходятся. Быть может, самые глубокие противоречия между людьми обусловлены их пониманием свободы [...]. Иногда даже создается впечатление, что люди совсем не хотят свободы, более того, стремятся избежать самой возможности свободы» [29, с. 22-23]. *Свобода выбора как раз и наделяет феномен одиночества неоднозначностью* (проблема уединенности как осознанного одиночества), в результате чего дискутирующие обычно говорят о различных его значениях и не приходят к единому знаменателю. Размышляя о проблеме одиночества в нашем современном мире, нельзя забывать старого, но, наш взгляд, важного правила, сформулированного когда-то И. Кантом: «*Прав любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произвола каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом*» [30, с. 596]. Не осознавший этой максимы, вовлекаемый в техно-социальную коммуникацию субъект, рискует столкнуться с невидимым для него барьером, который окажется большим препятствием в освоении мира. Ибо привыкший (к примеру, с детства, вследствие семейного воспитания) действовать своевольно и получать от жизни многое, наталкиваясь на непреодолимые или трудно преодолимые бытийные барьеры, может буквально впасть в состояние фрустрации от разваливающегося ощущения своей исключительности и закрыться от реального мира в своем «розовом» в «гордом одиночестве».

Соотнося данную экзистенциальную связку с первыми двумя комплементарными парами, можно утверждать, что кристаллизация одиночества в данном контексте обусловлена *как угнетением второй коррелирующей части, так и ее стимулированием*, в зависимости от исходного состояния психосоматической системы человека, его финансовых, интеллектуальных, творческих и иных возможностей. Ведь нельзя отрицать того факта, что в определенных случаях «скромность украшает человека», позволяя не нарушать «красные линии» другого человека или системы, что способствует социальной эмпатии по отношению к данному субъекту, неотторжению системой, а наоборот – его вовлеченности в «процессуальность бытия» [31]. В других случаях полезнее будет (и для статуса человека, и для скорейшего благополучного завершения архитектурного проекта, к примеру) не промолчать, не утаить свои интуитивные догадки и прозрения от коллектива единомышленников.

Таким образом, *одиночество – это полимодальный феномен, результат утраты гармоничного восприятия реального мира, осознанно/неосознанного его отторжения, отрицательно влияющий на личность, его жизнедеятельность и проявляющийся в эмоциональном переживании своей инаковости, субъектности, а также пониманием онтологической исключенности в целом*. Важнейшим же триггером для проявления одиночества, как тончайшей реакции «самости» и «эго» [32] при взаимодействии одного субъекта с другими субъектами и объектами окружающей действительности, в результате чего реципиент переводит вербальные/невербальные знаки и образы мира в свои мысли (декодирование информации) – считается осознанно или неосознанно созданная пространственная (физическая) и/или коммуникативная (душевно-духовная) изоляция человека. И та и другая прокладывают путь к социальной изоляции в целом.

Социальная изоляция представляет собой состояние, при котором человек или группа людей испытывают недостаток значимых социальных связей и взаимодействий. Согласно исследованиям, социальная изоляция тесно связана с ухудшением психического и физического здоровья, повышенным уровнем тревожности, депрессии, а также риском

преждевременной смертности [\[16\]](#). Это явление охватывает широкий спектр факторов – от физической изолированности и урбанистических ограничений до психологических и культурных барьеров, препятствующих полноценному участию в общественной жизни. Особую уязвимость в условиях социальной изоляции демонстрируют пожилые люди, лица с ограниченными возможностями и молодежь. В условиях недостаточно адаптированной городской среды эти группы нередко оказываются исключенными из активной социальной жизни, что требует пересмотра архитектурных решений с позиции социальной инклюзии. С нашей точки зрения, пустота, одиночество, социальная изоляция в условиях современной урбанизации обусловлены, в первую очередь, «внешними» (по отношению к архитектуре) факторами технологизации, цифровизации и др., и «внутренними» детерминантами – эстетически неадекватной организацией архитектурной среды и пространственными барьерами.

Одним из наиболее очевидных факторов (своеобразным аттрактором) социальной изоляции становится влияние цифровых технологий, которые, наряду с другими элементами современного мира образуют совершенно новую техносоциальную реальность как «неразрывное единство и динамическое взаимодействие человека, технических систем («интерфейсов» и «со-агентов» одновременно) и социальных структур» [\[33\]](#). В условиях ограниченного физического пространства люди все чаще проводят время в виртуальной среде. Как показали результаты опроса, значительное число пользователей социальных сетей осознают, что «проводят 2–3 часа в день на бессмысленное общение онлайн, при этом ощущая нехватку живого взаимодействия» [\[17, с. 11–12\]](#). Такая подмена реального общения виртуальным усиливает социальную фрагментацию: виртуальные контакты частично заменяют живое общение, но не всегда способны компенсировать потребность человека в эмоциональном взаимодействии. По данным социологических исследований, значительное количество людей ежедневно проводят по несколько часов в социальных сетях, при этом испытывая острый дефицит реального общения. Несмотря на формальную доступность связи, ощущение отчужденности и социальной ненужности остается остро актуальным.

Дополнительной проблемой в современной архитектурной среде порой остается эстетическая несущая городское пространство, которая психологически угнетает не меньше, чем нескончаемые дожди в летнюю пору. Преобладание монотонно-серой, многоэтажной застройки с отсутствием доминант и цветовых акцентов, на многих действует психологически отрицательно, являясь триггером апатии и неудовлетворенности. Те же античные города являли собой пример не только рациональной градостроительной застройки, но и умелого эстетического преобразования среды посредством архитектурных ансамблей с применением орденовой системы (к примеру, храмового зодчества в честь главного божества [\[34, с. 12\]](#)) и других выразительных художественно-пластических средств [\[35, с. 21\]](#). Не последнее место в этой организации принадлежало и продолжает принадлежать цвету, потенциал которого для архитектурной среды до конца не исследован...

Важнейшим фактором, способствующим социальной изоляции в городской среде, с нашей точки зрения, являются *пространственные барьеры*. Одним из модусов таких барьеров является архитектурное разделение пространства. В целом архитектуре, наряду с объединением, свойственно также и разделение пространства, о чем указывали (правда, в другом контексте) еще А. Ригль и Х. Зедльмайр: «...из усмотрения того, что архитектура оформляет (gestaltet) „ограниченные (begrenzte) пространства“» [...] «следует, что она способна делать акцент на „пространстве“ или *границах* (выд.

автором) пространства» [\[36, с. 28\]](#).

Будь то физическое, визуальное или функциональное, разделение пространства потенциально может существенно затруднять формирование и поддержание социальных связей. Это касается как масштабных урбанистических решений, так и отдельных элементов жилой застройки. Характерным примером негативного воздействия архитектуры на социальные связи вследствие злоупотребления пространственными барьерами стал, уже упоминавшийся в первом параграфе жилой комплекс Pruitt-Igoe в США. Архитектурная концепция комплекса изначально предполагала изоляцию от остальной городской структуры, сегрегацию населения и жесткое зонирование. Вместо ожидаемого улучшения условий проживания это привело к росту преступности, отчужденности и социальной дезинтеграции. В результате комплекс был снесен менее чем через 20 лет после постройки, став символом провала архитектуры, игнорирующей социальные факторы.

Вторым модусом пространственного барьера – является нехватка или низкое качество общественных пространств, предназначенных для взаимодействия. В районах плотной застройки, где отсутствуют парки, дворы и места для отдыха, уровень социальной активности значительно снижается. Исследования показывают, что наличие зеленых зон в шаговой доступности может повысить вовлеченность жителей в общественную жизнь и снизить ощущение одиночества [\[20, с. 26–27\]](#). Там, где такие зоны отсутствуют, люди чаще избегают лишних контактов и предпочитают уединение. Немаловажным фактором является монотонность и типизация архитектурной среды, представляя третий модус пространственного барьера. Однообразная застройка, лишенная идентичности и уникальности, снижает уровень эмоционального комфорта жителей. В Великобритании в 1980-е годы массовое строительство типовых жилых районов без развитой инфраструктуры и общественных зон привело к снижению удовлетворенности населения условиями жизни на 25% [\[12, с. 17–18\]](#).

Особое внимание следует уделять доступности городской среды для уязвимых групп населения. Исследования показывают, что в 70% случаев отсутствие архитектурной адаптации для людей с ограниченными возможностями приводит к их исключенности из общественной жизни [\[37\]](#). Барьеры в виде лестниц, узких проходов, отсутствия пандусов и лифтов усиливают чувство изоляции и социальной беспомощности. В результате пространственные барьеры, обусловленные неудачными архитектурными решениями, однотипной застройкой и игнорированием потребностей различных социальных групп, становятся значимой проблемой, способствующей социальной изоляции.

Таким образом, одиночество и социальная изоляция в условиях урбанизации представляет собой не только социальную, но и экзистенциальную, эстетическую, технологическую, пространственно-урбанистическую проблему, что требует междисциплинарного подхода. Осознание важности вышеперечисленных проблем, становится необходимым условием устойчивого развития городов, а следовательно, необходима системная переоценка подходов к проектированию городской среды, с акцентом на инклюзивность, гибкость и социальную чувствительность архитектурного пространства. Архитектура, формирующая пространство жизнедеятельности, способна играть ключевую роль в преодолении этих вызовов, формируя условия для экзистенциальных и иных связей и вовлеченности людей разных категорий.

Пути преодоления социальной изоляции: инклюзивный дизайн и частно-общественная дополнительность архитектурного пространства

Проанализировав, какие архитектурные решения в тот или иной период преобладали в прошлом, а также как архитектура влияет на общественное сознание в условиях современной цивилизации, пришло время рассмотреть основные пути преодоления вышеозначенных проблем. Несмотря на многочисленные примеры одиночества и социальной изоляции, непосредственно порожденных неудачными архитектурными решениями, существуют и успешные проекты, демонстрирующие, как грамотное пространственное проектирование способно стимулировать взаимодействие между людьми и снижать уровень отчужденности. Такие архитектурные решения направлены на создание комфортной, доступной и инклюзивной среды, учитывающей потребности различных социальных групп. Одним из ярких примеров успешных кейсов социально-ориентированного проектирования является уже упоминавшийся проект реконструкции старой железнодорожной линии в Нью-Йорке, преобразованной в городской парк High Line (рисунок 4). Это линейное пространство стало новой социальной осью, объединившей жителей разных кварталов и предоставившей возможности для прогулок, отдыха, культурных мероприятий. High Line демонстрирует силу архитектурной трансформации, способной вдохнуть новую жизнь в заброшенные территории и превратить их в живые центры взаимодействия [\[20, с. 26-27\]](#). В современных жилых комплексах также появляются проекты, способствующие укреплению добрососедских отношений. Например, комплекс BedZED в Лондоне ориентирован на устойчивое и коммуникативное жилье. Его архитектура включает общие дворы, общественные кухни и зеленые зоны, которые стимулируют соседское взаимодействие. Согласно опросам, 75% жителей BedZED участвуют в совместных мероприятиях хотя бы раз в месяц, что является высоким показателем вовлеченности по сравнению с традиционными районами [\[38, с. 279-280\]](#).

Значительную роль в снижении социальной изоляции играет также природная компонента. Наличие зеленых насаждений, скверов и детских площадок в этих зонах способствует эмоциональному комфорту, облегчает контакт между людьми. Вспоминается народная мудрость: «все новое – это хорошо забытое старое». Уже упоминавшийся проект 1-го квартала «Соцгородка» в г. Магнитогорске спроектирован и построен как раз в русле подобной идеи. А использование тактильных и ароматических растений помогает улучшить пространственную ориентацию у людей с ограниченными возможностями и делает пространство более открытым для общения. Также важно отметить и экономический аспект: девелоперы и архитектурные бюро, внедряющие инклюзивные и социально-ориентированные решения, не только способствуют благополучию жителей, но и создают конкурентное преимущество на рынке недвижимости: «инвестиции в социальную инфраструктуру повышают ценность проектов и формируют устойчивое городское развитие» [\[22, с. 61\]](#).

В условиях растущей урбанизации и социальной поляризации ключевым направлением преодоления социальной изоляции становится внедрение *принципов инклюзивного дизайна*. Инклюзивная архитектура направлена на создание среды, доступной и удобной для максимально широкого круга пользователей – независимо от их возраста, физического состояния, социального статуса и культурной принадлежности. Такой подход предполагает отказ от дискриминационных или ограничивающих решений и акцентирует внимание на равенстве возможностей для участия в городской жизни. Основные принципы инклюзивного проектирования включают универсальный доступ, комфортность, безопасность, визуальную и тактильную навигацию (сенсорные зоны), а также создание среды, стимулирующей социальные взаимодействия. Согласно руководству ООН по инклюзивному дизайну, разработанному в 2016 году, приоритетными

задачами становятся устранение физических барьеров, повышение социальной восприимчивости среды и формирование условий для участия всех групп населения [\[39, с. 175–176\]](#).

Инклюзивный дизайн тесно связан с концепцией «дизайна для всех» (design for all), согласно которой каждый элемент городской инфраструктуры должен учитывать разнообразие пользовательских потребностей уже на этапе проектирования. Например, лестницы дополняются пандусами, стандартные информационные панели дублируются визуальными и звуковыми средствами, а туалетные и рекреационные зоны доступны для маломобильных групп населения [\[37\]](#). Такой подход повышает не только функциональность, но и ощущение принадлежности и уважения к индивидуальным особенностям каждого жителя. Примером эффективного внедрения принципов инклюзии может служить город Копенгаген, где в рамках программы устойчивого развития были реализованы десятки проектов по созданию безбарьерной среды. Интеграция инклюзивных решений позволила повысить посещаемость общественных пространств на 25% и укрепить участие различных групп населения в социальной жизни города [\[22, с. 61\]](#). Одним из ярких примеров успешных кейсов в этом направлении, является проект Superkilen (рис. 5) – общественное пространство, созданное в районе с высоким уровнем этнического и культурного разнообразия. В дизайн парка были интегрированы элементы, отражающие традиции и символику более чем 60 наций, проживающих в этом районе. Это позволило жителям ассоциировать пространство с собственной идентичностью и ощущать свою принадлежность к общему городу. Superkilen стал местом для встреч, досуга и межкультурного диалога, а также примером того, как архитектура может служить платформой для инклюзии [\[39, с. 175–176\]](#).

Рисунок 5 – проект Superkilen в Копенгагене

Инклюзия в архитектуре касается не только людей с ограниченными возможностями. Это также пожилые граждане, дети, семьи с младенцами, мигранты, представители разных культур. Пространства, ориентированные на инклюзию, такие как детские и спортивные площадки, зоны отдыха, арт-объекты, стимулируют взаимодействие между людьми разного возраста и социальных групп. Подобные зоны, становятся местом доверия, безопасности и взаимодействия, где каждый может чувствовать себя равноправным участником социальной жизни. Например, проект образовательных игровых площадок в благоустроенных открытых пространствах Владивостока показал положительное влияние на адаптацию и развитие детей с особыми потребностями [\[40\]](#). Таким образом,

инклюзивный дизайн – это не просто архитектурный подход, а гуманистическая стратегия формирования справедливой и открытой городской среды. Его внедрение является необходимым условием для снижения уровня социальной изоляции и создания пространств, которые укрепляют солидарность, доверие и социальное участие.

Еще одним эффективным путем преодоления одиночества и социальной изоляции в городской среде является *частно-общественная дополнительность* архитектурного пространства. Суть ее заключается в том, что для полноценного формирования социальной среды важен грамотный баланс между общественными и частными пространствами. Эти два типа городской структуры выполняют дополняющие функции: общественные зоны способствуют взаимодействию, а частные – предоставляют условия для уединения и восстановления. Нарушение этого баланса, в ту или иную сторону, может стать триггером одиночества и социальной изоляции. Общественные пространства являются основным ресурсом для формирования социальных связей. Парки, скверы, дворы, пешеходные зоны и уличные кафе создают точки притяжения, где возможно неформальное общение, коллективная активность, обмен опытом. Согласно данным Project for Public Spaces, наличие разнообразных общественных пространств может снизить уровень социальной изоляции в районе на 25% [\[39, с. 175–176\]](#).

Однако и частные пространства играют важную роль в социальной архитектуре. Квартиры, дома, балконы, террасы и небольшие дворики обеспечивают человеку чувство защищенности, принадлежности, возможности для восстановления. Архитектурная концепция «третьего места» – промежуточного между домом и общественной зоной – предлагает включение в жилые комплексы общих гостиных, кухонь, зеленых террас, создающих атмосферу доверия между соседями [\[17\]](#), (рис. 6). Опять-таки – эти идеи в 20-30-х годах предлагали немецкие конструктивисты в том же Магнитогорске и других городах СССР. Но в силу отсутствия финансовых средств у советского правительства в тот период истории, именно эта составляющая новаторских проектов не была реализована. Примером такой реализации может служить жилой комплекс в том же Копенгагене, разработанный бюро BIG, где организованы полузакрытые дворы, стимулирующие неформальные контакты между жителями.

Рисунок 6 – Архитектурная концепция «третьего места»

Типология частных пространств может варьироваться от полностью изолированных (индивидуальные квартиры) до частично открытых (общие балконы, дворы, рекреационные зоны). Современные исследования подчеркивают, что архитектурные элементы, такие как прозрачные границы между пространствами, видовые проемы, зоны визуального контакта, могут существенно повлиять на готовность человека к взаимодействию [38, с. 279–280]. Кроме физической структуры, важную роль в восприятии частного и общественного пространства играет субъективное ощущение контроля над средой. Люди склонны чувствовать себя более уверенно и безопасно в тех пространствах, где они могут влиять на происходящее – будь то через выбор маршрута, возможность отгородиться или управлять уровнем контакта с другими. Именно поэтому архитектура должна предоставлять вариативность: от зон для интровертивного уединения до мест для открытого общения. Такая гибкость повышает уровень доверия к пространству и снижает стресс, связанный с социальной перегрузкой или, наоборот, изоляцией. Также важно учитывать переходные зоны – так называемые «пространства-посредники», которые мягко соединяют частное и общественное. К ним относятся подъезды, общие веранды, лестничные холлы, площадки у входов. Архитектурно выразительное и дружелюбное оформление этих участков способствует формированию неформального общения и создает ощущение принадлежности к сообществу. Вместо резкого перехода от уединения к публичности создается плавный, эмоционально комфортный сценарий, в котором человек сам регулирует степень вовлеченности в социальную среду.

Таким образом, сбалансированное соотношение общественных и частных пространств, а также проектирование переходных зон – от индивидуальных к коллективным – является важнейшим условием для создания устойчивой и инклюзивной городской среды. Архитектура должна предоставлять человеку возможность выбора между взаимодействием и уединением, поддерживая тем самым психологическое и социальное здоровье общества. Успешные кейсы показывают, что продуманная архитектура может стать инструментом социальной интеграции, способствовать построению доверия и развитию локальных сообществ. Это требует от проектировщиков не только технической компетентности, но также понимания экзистенциальных вызовов и социальных процессов, происходящих в городской среде.

Рекомендации по проектированию инклюзивных городских пространств и перспективы развития социальной архитектуры

Формирование инклюзивной городской среды требует системного подхода, ориентированного на создание условий для открытого взаимодействия, равного доступа и укрепления локальных сообществ. На основе анализа современных архитектурных практик и теоретических исследований можно выделить ключевые рекомендации, позволяющие эффективно снизить уровень социальной изоляции через проектирование пространства.

Во-первых, при разработке общественных зон мы рекомендуем учитывать принципы универсального дизайна. Нам представляется важным, чтобы пространства были понятными, доступными и комфортными для всех категорий населения: людей с инвалидностью, пожилых, родителей с детьми и других уязвимых групп. Это включает продуманные маршруты передвижения, удобные навигационные системы, многофункциональные зоны для отдыха, общения, спорта и культурных активностей.

Во-вторых, с нашей точки зрения, архитектура должна стимулировать спонтанные формы взаимодействия. Мы считаем, что этого можно достичь за счет создания полуоткрытых пространств – террас, амфитеатров, внутренних дворов, переходных зон между частным и общественным. Мы рекомендуем активно использовать такие приемы, так как они способствуют естественным контактам между людьми и формируют чувство принадлежности к месту. Например, проект межпоколенческого центра в Татарстане демонстрирует, как архитектурные приемы могут гармонично соединять интересы разных возрастных групп, формируя основу для диалога и поддержки.

В-третьих, мы настаиваем на важности учета локального контекста: социокультурных особенностей района, привычек и потребностей жителей, климатических условий, уже существующей застройки. Мы рекомендуем проектировать пространства с участием самих жителей – через опросы, воркшопы, участие в пилотных инициативах. По нашему мнению, такой подход не только обеспечивает релевантность решений, но и повышает чувство вовлеченности и ответственности за обустройство среды.

Четвертое направление, которое мы выделяем, – интеграция «зеленых» решений. Мы рекомендуем активнее внедрять природные элементы – скверы, сады, парки, водные объекты – способствуют снижению стресса, повышению уровня физической активности и создают комфортную атмосферу для общения. Исследования показывают, что увеличение количества зеленых зон на 10% может снизить ощущение социальной изоляции на 15%.

Пятая рекомендация касается развития цифровых и коммуникационных инструментов, позволяющих жителям быть активными участниками городской жизни. Мы советуем создавать онлайн-платформы для обмена новостями, планирования мероприятий, совместного использования ресурсов и поддержки соседских инициатив. Наш взгляд таков, что такие инструменты особенно актуальны в условиях цифровизации и могут эффективно дополнять физические формы взаимодействия.

Шестая рекомендация касается необходимости обеспечения доступности базовой инфраструктуры: туалетов, освещения, уличной мебели, точек подзарядки, навесов от дождя и солнца. Пространство должно быть удобным для длительного пребывания, независимо от возраста и физического состояния. Особое внимание, на наш взгляд, следует уделять безопасным маршрутам передвижения, освещенности и визуальной открытости пространства, что формирует доверие и ощущение защищенности.

И седьмое – эстетическая привлекательность архитектурной среды. Интенсивно входящие в городскую среду инновации (новые строительно-конструктивные системы, системы визуальной коммуникации и цветосветового оформления), вытесняют предыдущие формы архитектурно-художественной практики и подталкивают архитекторов, художников, дизайнеров продолжать экспериментировать с формой и цветом в новых условиях. Цвет, освещение, акустика и материалы напрямую влияют на эстетическую репрезентацию пространства, а значит – на уровень социальной эмпатии, открытости и вовлеченности. В этом контексте, рекомендация может быть следующей. Как мы уже писали во втором параграфе, если имеется понимание того, что вы не нарушите личное пространство другого человека или «красные линии» системы в ходе своих творческих экспериментов (что требует отдельной работы и согласований), то перед вами огромное поле для приложения энергии.

Рост масштабов урбанизации и глобальные социальные трансформации требуют пересмотра традиционных подходов к архитектуре. Сегодня очевидна необходимость

развития социальной архитектуры как самостоятельного направления, ориентированного на проектирование среды, способной укреплять человеческие связи, снижать изоляцию и способствовать формированию инклюзивного общества. Инклюзивная городская среда – это результат комплексного подхода, в котором социальные, архитектурные и культурные факторы рассматриваются как единая система. Реализация этих рекомендаций может способствовать не только снижению социальной изоляции, но и созданию устойчивых, динамичных и солидарных городских сообществ.

... Согласно прогнозам ООН, к 2050 году более 68% населения мира будет проживать в городах, что делает вопрос качества городской среды приоритетным направлением развития [\[39, с. 175–176\]](#). Одним из ключевых векторов будущего социальной архитектуры становится переход от формального функционализма к «архитектуре смысла» – пространствам, наполненным культурным, социальным и эмоциональным содержанием. Это означает отход от обезличенной типовой застройки в пользу индивидуализированных, гибких решений, учитывающих контекст, идентичность и эмоциональное восприятие среды. Архитектура становится не только фоном жизни, но и активным участником социальных процессов. Оригинальным направлением является развитие «мягкой» инфраструктуры – элементов среды, способствующих взаимодействию, доверию и комфорту. Это включает уличную мебель, мобильные павильоны, временные арт-инсталляции, культурные кластеры, а также тактический урбанизм – малобюджетные проекты, способные быстро изменить восприятие пространства. Такие элементы играют роль социальных катализаторов, формируя «точки контакта» между жителями [\[17\]](#).

Перспективной формой интеграции социальных функций в архитектуре становится концепция «Superblocks» (суперблоков), реализуемая, например, в Барселоне. Она предполагает ограничение движения автотранспорта в жилых кварталах и превращение улиц в места для встреч, игр, отдыха. Результатом становится не только улучшение экологической ситуации, но и повышение уровня социальной вовлеченности [\[20, с. 26–27\]](#). Такие проекты, как Superblocks, указывают на важность трансформации не только архитектурных форм, но и самих принципов использования городского пространства. Улица в традиционном понимании больше не является исключительно транзитным коридором – она превращается в «общественную гостиную», где люди проводят свободное время, участвуют в коллективных активностях, взаимодействуют с соседями. Это требует от архитекторов и градостроителей переосмысления роли уличного пространства в структуре города.

Наряду с физической трансформацией городов важным направлением становится эмоциональное и культурное программирование среды. Архитектура будущего должна учитывать не только эргономику и функциональность, но и эмоциональные сценарии поведения – то есть психологическое восприятие пространств. Пространства, вызывающие доверие, любопытство, ассоциации с безопасностью и уютом, способствуют укреплению социальных связей. В этом контексте особое значение приобретает использование цвета, света, текстуры и звука как архитектурных инструментов взаимодействия с пользователем. В то время как холодный дизайн и жесткая геометрия усиливают ощущение отчужденности, теплое освещение и естественные материалы, наоборот, повышают чувство уюта и предрасполагают к общению, а значит – повышают уровень социальной открытости [\[41, с. 289–297\]](#). Также большое внимание уделяется устойчивости и долговечности решений. Перспективная социальная архитектура все чаще основывается на принципах экологичности, вторичного использования материалов и минимального вмешательства в природную среду. Такие подходы усиливают связь

человека с местом, создают ощущение заботы и ответственного отношения к общему будущему. В результате жители не просто пользуются пространством, а воспринимают его как часть собственной идентичности.

В ближайшие годы важную роль будет играть развитие локальных инициатив и микроурбанизма – малых проектов, инициированных самими жителями. Это могут быть временные конструкции, обустройство дворов, общественные сады или уличные фестивали, формирующие эмоциональные и социальные связи между участниками. Концепции партисипативного проектирования и «bottom-up» инициатив позволяют создавать пространства, отвечающие реальным нуждам жителей. Архитектура, способная поддерживать такие процессы, будет востребованной и устойчивой в условиях социальной фрагментации. Следовательно, архитектура будущего предполагает активное участие граждан в формировании среды, что требует новой культуры взаимодействия между архитекторами, девелоперами, властями и сообществами [\[40\]](#).

Наконец, важнейшую роль в будущем будут играть технологии. Интеграция искусственного интеллекта, анализа больших данных и поведенческого моделирования открывает новые возможности для адаптации среды под реальные потребности населения. Архитектура, способная «учиться» на основе данных о передвижениях, активности и предпочтениях пользователей, позволяет создавать гибкие, персонализированные и инклюзивные пространства. Это расширяет горизонты архитектурного мышления и выводит социальную архитектуру на новый технологический уровень, где человек вновь становится центральной фигурой проектирования. Смарт-среда, дополненная реальность, цифровые платформы для планирования и голосования, сенсорные устройства для адаптивного освещения и озеленения – все это инструменты, которые позволяют архитекторам учитывать поведение пользователей и адаптировать среду в режиме реального времени.

Таким образом, развитие социальной архитектуры в XXI веке предполагает интеграцию гуманистических, технологических, эстетических и экологических принципов. Будущее городской среды – это не просто физическая форма, а живая социальная структура, призванная объединять людей, снижать изоляцию и укреплять солидарность.

Заключение

В работе проработаны основные моменты касательно архитектурной теории и практики, выявлены ее главнейшие экзистенциальные и социальные проблемы. В процессе проведенного исследования была рассмотрена взаимосвязь между архитектурными решениями и уровнем социальной изоляции в городской среде.

В ходе исследования выявлено, что социальная изоляция, как и одиночество связаны не только с особенностями организации физического пространства, но и являются следствием экзистенциальных, социальных, индивидуальных или культурных факторов. Урбанизация, цифровизация, однотипная застройка и дефицит качественных общественных пространств значительно снижают возможности для установления и поддержания социальных связей.

Установлено и обосновано, что архитектура, как инструмент формирования среды, способна как усиливать, так и преодолевать одиночество и социальную изоляцию. В статье приведены примеры как неудачных проектов, демонстрирующих последствия игнорирования социальной функции пространства, так и успешных кейсов, показывающих, как архитектурные решения могут стать платформой для инклюзии,

доверия и взаимодействия.

Особое внимание в работе было уделено балансу между частными и общественными пространствами, а также принципам инклюзивного проектирования. Подчеркнуто, что современная архитектура должна учитывать потребности всех групп населения, обеспечивать доступность, безопасность и вариативность использования среды.

На основе проведенного анализа были выработаны рекомендации по созданию инклюзивной городской среды: применение универсального дизайна, развитие зеленых зон, партисипативное проектирование, адаптация к локальному контексту и использование цифровых решений. Отмечено, что архитектура будущего должна опираться на принципы устойчивости, гибкости и гуманизма.

Таким образом, архитектура оказывает значительное влияние на формирование общественно-социальной ткани города. Пространственные решения, принимаемые сегодня, определяют не только визуальный облик среды, но и качество жизни, степень участия, солидарность и ощущение принадлежности человека к обществу. Поэтому создание адекватных современным запросам общества пространств – это не просто задача архитекторов, а важный элемент социальной политики и устойчивого развития города.

Библиография

1. Новожилова А. Эдвард Хоппер – архитектура одиночества. URL: <https://losko.ru/edward-hopper-biography/> (дата обращения: 25.11.2025).
2. Бычков В. В. Метафизический дух сюрреализма: Хуан Миро // Философия и культура. 2016. № 3 (99). С. 417-429. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26183143&ysclid=mhbjhwup40169740577> DOI: 10.7256/1999-2793.2016.3.17083 EDN: WAZCPR.
3. Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация. М.: Ин-т географии РАН, 1994.
4. Ахиезер А. С. Город как саморазвивающаяся система: Контуры новой парадигмы // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 38-46.
5. Саяпин В.О. Трансдукция, системы, сети: теоретико-методологическая комплементарная триада в исследовании техносоциальной реальности // Философия и культура. 2025. № 8. С. 27-43. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.8.75145 EDN: UOWCOP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75145
6. Ахиезер А. С., Коган Л. Б., Яницкий О. Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. М., 1989. С. 21-43.
7. Блэр А. Рубл Стратегия большого города. М.: МШПИ, 2004.
8. Бергман Г. Дж. Город как историческая общность // Западная традиция права. М., 1994.
9. Алексеева Т. И. Город как саморазвивающаяся система: контуры новой парадигмы // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. 351 с.
10. Бэкон Ф. О дружбе // Бэкон Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1972.
11. Деменёв Д. Н., Подобреева Е. К., Хисматуллина Д. Д. Феноменология идеального и утопического сквозь призму диалектических категорий // Философия образования. 2022. Т. 22. № 4. С. 97-108. DOI: 10.15372/PHE20220407 EDN: BQIEDT.
12. Лекус Е. Ю. Гуманизация общественных пространств в ночном городе // Светотехника. 2018. № 6. С. 17-23. EDN: DJYZEY.
13. Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т. Т. IX: Ск-У. СПб.: Азбука-классика, 2008. EDN: QXRESB.
14. Хёйзинга Й. Осень Средневековья / Пер. Д. В. Сильвестрова; Под ред. С. С.

Аверинцева. М.: Наука, 1988.

15. Зотов. Современная западная философия: Учебн. М.: Высш. Шк., 2001.

16. Волошина И. Г., Ковальчук О. В., Королёва К. Ю., Поленова М. Е. (ред.) Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Белгород: ИД "Эпицентр", 2018. 437 с.

17. Иовлев В. И. Социально-экологические проблемы городского пространства // Архитектура, градостроительство и дизайн. 2015. № 4. С. 11-15. EDN: TWLGOR.

18. Гришина М. П., Юсупова А. Б. Концептуальная модель межпоколенческого центра на примере Бавлинского района Республики Татарстан // Архитектура. Реставрация. Дизайн. Урбанистика. 2024. № 1(3). С. 57-71. EDN: CEDWBM.

19. Бурмистров Н. В. Новости науки 2025: гуманитарные и точные науки: сб. материалов LVIII междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 2. М.: НИЦ "Империя", 2024.

20. Птицына Л. М. Социальная и культурная природа дизайна среды общественных зданий и его роль в формировании социокультурной среды общества // Архитектура, градостроительство и дизайн. 2014. № 1. С. 26-27. EDN: SXCUMJ.

21. Хегай И. В. Градостроительная организация смешанной жилой застройки в условиях нового строительства: автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 2013. EDN: ZPBOKT.

22. Бабина В. В., Кириллова Е. С., Сыроваткина Т. Н. Влияние архитектурных решений объектов строительства на социально-экономические проблемы современного хозяйства // Тенденции развития науки и образования. 2021. С. 61-65. DOI: 10.18411/lj-07-2021-177. EDN: WRFDLI.

23. Сакутин В. А. Феноменология одиночества: опыт рекурсивного постижения: Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Дальневост. гос. техн. ун-т. Владивосток, 2003. EDN: NMQQYX.

24. Румянцев М. В. Социально-философский анализ явления одиночества: монография / Сиб. федер. ун-т, Политехн. ин-т. Красноярск: СФУ, 2007. EDN: PZWSTP.

25. Палагина Н. С., Морозова А. А., Новоселова О. В. Определение и понимание понятия "одиночество" в современных науках // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 1. С. 235-237. DOI: 10.24411/2073-3305-2022-1-235-237 EDN: ЕМАACJ.

26. Фрейд З. Художник и фантазирование: Пер. с нем. / Под ред. Р. Ф. Додельцева, К. М. Долгова. М.: Республика, 1995.

27. Хайек Ф. А. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 121-140.

28. Ивин А. А. Основы социальной философии: Учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2005.

29. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1. М., 1991.

30. Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Изд-во "Мысль", 1999.

31. Прохоров М. М. Процессуальность бытия // Философия и культура. 2016. № 3 (99). С. 320-336. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26183098&ysclid=mhbhfd345m180266076> DOI: 10.7256/1999-2793.2016.3.16849 EDN: WAZBYH.

32. Юнг К. Г. Психологические типы // Психология индивидуальных различий. М.: Академический проект, 2023.

33. Саяпин В.О. Техносоциальные вызовы XXI века: практическое применение трансдуктивной системно-сетевой методологии (TCCM) // Философия и культура. 2025. № 8. С. 44-70. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.8.75285 EDN: VCOVDV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75285

34. Толстиков В. П. Археологические свидетельства катастрофы 480-475 гг. до н.э. в Пантикапее. Прощание с одной концепцией? // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. № 3 (81). С. 9-36. DOI: 10.18503/1992-0431-2023-2-80-9-36 EDN: PMIEUA.

35. Качан С. А. Император в образе Тота-Гермеса в Римском Египте // Проблемы истории, филологии, культуры. 2025. № 2 (88). С. 18-31. DOI: 10.18503/1992-0431-2025-

2-88-18-31 EDN: IHLSBQ.

36. Зедльмайр Х. Искусство и истина / Х. Зедльмайр // О теории и методе истории искусства. М.: Искусствознание, 1999.

37. Степанчук А. В., Галикиева Р. И., Семенова У. Н., Шайхуллина А. М. Проектирование гериатрического центра в Советском районе города Казань // Архитектура. Реставрация. Дизайн. Урбанистика. 2023. Т. 2, № 2. С. 139-150. EDN: SEFEBO.

38. Черешнев И. В., Тисленко А. А. Применение интерактивных общественных пространств при формировании архитектурно-ландшафтной среды прибрежных территорий Волгограда // Вестник Волгоград. гос. архит.-строит. ун-та. 2022. Вып. 4 (89). С. 279-288. EDN: SVZZWQ.

39. Иванова О. Г., Копьёва А. В., Храпко О. В. Особенности обучения универсальному дизайну на примере проектирования сенсорного сада на территории школы для слабовидящих детей в Приморском крае // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 7. С. 175-180. EDN: LPGGZM.

40. Чирцова К. Е., Иванова О. Г. Перспективы организации игровых площадок для детей с ограниченными возможностями в структуре рекреационных пространств города Владивостока // Секция 3. Инновации в архитектуре, градостроительстве и дизайне среды. Владивосток: Владивосток. гос. ун-т, 2024. С. 393-397.

41. Панкина М. В. Дизайн городской среды как средство формирования экологической модели поведения // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 6А. С. 289-297. EDN: YXDNHN.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена комплексному междисциплинарному анализу феномена социального одиночества в пространстве мегаполиса, находящемуся на стыке философии, урбанистики, социологии и искусствоведения. Предметом исследования является влияние архитектурной среды на экзистенциальные переживания человека, в частности на феномены одиночества и социальной изоляции в условиях современного города. В качестве основной целевой установки исследования авторы стремятся не только проанализировать взаимосвязь пространственных решений и социального самочувствия горожан, но и разработать практические рекомендации по проектированию инклюзивных городских пространств.

Методология исследования носит комплексный характер и включает элементы исторического подхода, историко-искусствоведческого анализа, герменевтики, сравнительного анализа, теоретического синтеза и кейс-метода. Столь широкий спектр методов адекватен междисциплинарному характеру темы, однако на практике их применение выглядит несколько эклектичным. Исторический экскурс, охватывающий античность, Средневековье, индустриальную эпоху и модернизм, демонстрирует хорошую теоретическую подготовку авторов, но зачастую носит обзорный характер и не всегда сосредоточен на причинно-следственных связях между конкретными архитектурными формами и порождаемыми ими социальными практиками. Анализ конкретных кейсов, таких как *Pruitt-Igoe*, *High Line* или *Superkilen*, является сильной стороной работы, так как наглядно иллюстрирует ключевые тезисы. Однако переход от философской

рефлексии одиночества у М. Хайдеггера, Э. Фромма и З. Фрейда к сугубо прикладным рекомендациям по городскому дизайну порой кажется недостаточно последовательным и логически обоснованным. Не хватает своего рода философского «моста», который бы четко связал онтологию одиночества с конкретикой архитектурного проектирования.

Актуальность темы не вызывает сомнений. Проблема атомизации общества в условиях тотальной урбанизации и цифровизации является одной из центральных для социальной философии XXI века. Обращение к визуальному ряду картин Эдварда Хоппера в качестве отправной точки является удачным художественным приемом, который задает тон всему исследованию и позволяет говорить об экзистенциальном измерении городского пространства на языке образов. Работа тем самым приобретает не только научную, но и культурологическую глубину.

Научная новизна статьи заключается в попытке синтеза философской антропологии, теории архитектуры и социальной критики. Авторы не ограничиваются констатацией проблем, а предлагают систематизированный набор решений, сгруппированных вокруг концепций инклюзивного дизайна и частно-общественной дополнительности. Введение и разработка понятия «пространственные барьеры» в их различных модусах (архитектурное разделение, нехватка качественных общественных зон, монотонность застройки) представляет собой продуктивную попытку концептуализации механизмов влияния среды на социальность.

Статья написана в научном стиле, однако текст местами перегружен избыточной метафоричностью, что может затруднить его восприятие. Структура статьи логична, но ее объем и стремление охватить максимально широкий спектр вопросов приводят к некоторой поверхностности в рассмотрении отдельных аспектов. Например, философский анализ одиночества, несмотря на привлечение солидного корпуса источников, остается скорее компилятивным, нежели предлагающим оригинальную интерпретацию.

Список литературы обширен и достаточен для заявленной тематики исследования. Он включает как классические философские и социологические труды, так и современные исследования по урбанистике и архитектуре.

Несмотря на указанные выше недостатки, выводы работы являются обоснованными и значимыми. Авторам удалось показать, что архитектура выступает не просто фоном для человеческого существования, но и является агентом формирования социальных связей и экзистенциальных состояний. Статья вызовет интерес у широкой читательской аудитории журнала «Философская мысль», включающей не только философов, но и социологов, культурологов, урбанистов и архитекторов, поскольку предлагает целостный взгляд на одну из самых острых проблем современности и намечает пути ее преодоления через гуманизацию окружающего нас пространства. Рекомендуется к публикации после устранения стилистических шероховатостей и углубления философского обоснования предлагаемых архитектурных решений.